

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-137–150

ПРЕТОРИАНЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ РИМА

Е.А. Гуськов

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Самарский университет, Самара, Россия*

E-mail: megistos@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0841-6938

Преторианская гвардия, которую Август превратил в постоянный институт, была важнейшей частью военного гарнизона Рима, который, помимо нее, также включал в себя городские когорты, вигилов и некоторые другие узкоспециализированные (в основном разведывательные) службы. В статье рассматриваются, с одной стороны, такие технические аспекты пребывания преторианцев в столице, как организация караульной службы, маршруты передвижения отрядов по городу; с другой – влияние военного присутствия на местных жителей, их взаимодействие в рамках городского пространства как в бытовом, так и в политическом плане.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, принципат, преторианские когорты, преторианцы, плебс

Как известно, в соответствии с республиканской традицией, в Риме было запрещено находиться войскам. Однако бурные события последних десятилетий республики несколько раз приводили к нарушению этого табу. Даже когда у Августа, получившего высший проконсульский империй, появилась легальная возможность разместить своих телохранителей в столице, ему хватило благоразумия не бравировать этим правом, дабы лишний раз не раздражать не привыкших к новым порядкам сограждан. По словам Светония (*Aug.* 49. 1), в столице «сын божественного» никогда не держал более трех когорт, да и те были, по видимому, расписаны по квартирам, выкупленным у горожан. В каких конкретно точках города они находились, установить невозможно¹. Остальные когорты были размещены в ближайших городах². С этого момента преторианцы становятся неотъемлемой, хотя пока еще малозаметной частью жизни Рима и окрестных городов. По городу они передвигались в «гражданской» одежде – в тогах (*Tac. Hist.* I.

Данные об авторе. Евгений Александрович Гуськов – кандидат исторических наук, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ; старший научный сотрудник Научно-исследовательской части № 90 Самарского университета.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-28-01528 «Интеракции многосторонних групп раннеимператорского Рима: сенаторы, городской плебс, военный гарнизон столицы».

¹ Как метко выразился М. Дюрри, мы вряд ли теперь отыщем то, что Август хотел скрыть от своих современников (*Duruy* 1938, 44).

² Не подлежит сомнению их постоянное присутствие в Остии, а вот остальные города в основном дискуссионны – Тибур, Тускул, Анций, Пренесте и др.

38. 2) – именно для того, чтобы меньше привлекать внимание. Более ощутимым их присутствие стало после того, как в правление Тиберия к 23 г. н.э.³ все преторианские и городские когорты были стянуты в один специализированный военный лагерь на самой высокой точке Виминала, за Коллинскими воротами, примерно в 500 м от Сервиевой стены, т.е. не в самом городе, а, строго говоря, в предместье, и только позднее, по мере расширения померия, он был включен в городскую черту. Надо полагать, выбор локации для *Castra praetoria* был обусловлен прежде всего техническими требованиями⁴, поскольку внутри города было труднее найти территорию, способную одновременно вместить порядка 15 когорт⁵, а также топографическими особенностями и логистическими задачами, но в то же время не следует совсем списывать со счетов и стремление Тиберия хотя бы номинально соблюдать прежние, еще памятные, республиканские нормы⁶, да и желательно было все-таки для усиления дисциплины держать воинов подальше от столичных развлечений (Тас. *Ann.* IV. 2. 2).

Взаимная пространственная локализация дворцового комплекса на Палатине и преторианского лагеря на Виминале положила начало постоянно функционирующему маршруту для караулов, ежедневно заступающих на дежурство и возвращающихся с него⁷. Их путь пролегал между Виминалом и

³ Здесь и далее все даты – новой эры.

⁴ Sablayrolles 2001, 139.

⁵ Учитывая, что преторианский лагерь впоследствии не подвергался расширению, претерпев лишь некоторые изменения внутренних построек (Гуськов 2024, 693–694), уже к моменту возведения в нем должны были свести плюс-минус все те силы, которые будут его занимать на протяжении I в., т.е. 9 (а вскоре и 12) преторианских, 3 городские когорты и как минимум статоров. Список обитателей лагеря: *CIL* VI. 1009 = *ILS* 2012.

⁶ Busch 2007, 317–318, 323. Даже в более поздние времена императоры, демонстрировавшие свою открытость и «близость к народу», старались не афишировать наличия у себя большой охраны, чтобы лишний раз не подчеркивать военный характер своей власти и заодно обозначить верность римским традициям. При Веспасиане, по словам Диона Кассия, дворец якобы вовсе не охранялся (LXV (LXVI). 10. 5). На самом деле, в это трудно поверить. Впрочем, Веспасиан обычно и не жил на Палатине (Dio Cass. LXV (LXVI). 10. 4–5). В качестве префекта преторианцев при собственном отце Тит делал ставку скорее на тайных агентов и «людей в штатском», нежели на военизированную охрану. Возможно, Дион подразумевал лишь отсутствие ее по внешнему периметру дворца. Тот же Дион сообщает, что Траян имел привычку передвигаться по городу без охраны (Dio Cass. LXVIII. 7. 3) и даже на войне, бывало, брал с собой минимум эскорта (LXVIII. 31. 3).

⁷ Размер караула, отряженного из преторианского лагеря во дворец, а также сопровождавшего императора во время перемещений по столице на самом деле неизвестен, однако античные авторы обычно определяют его как *cohors*. См. *примеры*: Тас. *Hist.* I. 38. 2 (...*una cohors togata defendit nunc Galbam*...); 41. 1 (*comitatae ... cohortis*); I. 43. 1 (*centurio ... praetoriae cohortis, ... custodiae ... additus*); Тас. *Ann.* I. 24. 1–3. Здесь опять-таки нельзя забывать, что речь в любом случае шла бы о когорте, даже если бы в *comitatus* она была представлена только своей вексиляцией. В данном конкретном случае это слово буквально обозначает всего лишь сопровождение императора (свиту), не обязательно указывая на его размер, но оно почти наверняка, так или иначе, соотносится с когортой – самой крупной структурной единицей гвардии. Размер эскорта зависел от обстоятельств: повседневный мог ограничиваться, наверное, одной-двумя центуриями, а официальный требовал более широкого представительства. Это не значит, что вся когорта отправлялась во дворец. На эту мысль наводят общие рассуждения о порядке организации охраны императора во время его дальних поездок по различным провинциям империи. Обычно императора-августа в путешествиях сопровождали четыре когорты, а цезарей (наследников принципата или, позднее, младших императоров) – по одной или в особых случаях по две когорты. Если предположить, что дежурство несла вся когорта сразу, то получается, что каждый преторианец бывал в карауле раз в 5–6 дней, а преторианцам в составе комитата тогда приходилось бы дежурить раз в два дня, т.е. намного чаще, чем в провинциальных гарнизонах, где караул составлялся из двух контуберниев от каждой центурии дежурной когорты, т.е. порядка 20% от ее штата (Махлаюк, Негин 2021, 280), а это значит, что легионер заступал

Циспием, одной из вершин Эсквилина, очевидно, вдоль Патрицианской улицы, пересекаясь с «кипящей», по словам Марциала (Ш. 11. 51), Субурой, и с северо-западной или юго-восточной стороны подходил ко дворцу⁸. Поскольку дворцовый ансамбль постоянно расширялся и перестраивался, маршрут подхода также претерпевал некоторые изменения как в связи с ростом числа караульных постов, так и с учетом смены фактического нахождения императора внутри его многочисленных сегментов⁹, однако в целом на участке приблизительно до акведука Клавдия он должен был оставаться относительно стабильным. Часть караульного отряда, вне всяких сомнений, заходила со стороны Большого Цирка, так как главная караульная комната практически на любом этапе осуществления застройки находилась на примыкавшей к нему стороне холма. В *Domus Tiberiana*, самом раннем элементе Палатинского дворца, караульная комната преторианцев располагалась в южной его части¹⁰. При Домициане главная караульная сместилась восточнее, сразу за главным входом (в т.н. *lararium*) в *Domus Augustana*. Само собой, существовали и другие посты. Отсюда было довольно удобно отправлять наряды преторианцев и в Большой Цирк, и в построенный при Флавиях Амфитеатр, и на Форум, т.е. в самые частые места публичного появления императора.

Поскольку в рамках новой политической системы преторианским когортам была отведена роль императорского щита, преторианцы в буквальном и переносном смысле были заслоном для императора от всех возможных врагов – как из числа представителей нобилитета империи, так и плебса. Преторианцы

в караул в среднем раз в две недели. Если же исходить из того, что этот показатель в столице и провинциальном гарнизоне был приблизительно равен, то мы неизбежно приходим к выводу о том, что в караул уходило примерно 12 контуберний одной когорты, из которых одна часть охраняла дворец, а другая – лагерь. Территориальный разброс защищаемых пунктов не сильно отразился на графике караулов, потому что штат преторианской когорты превосходил штат когорты в легионе. Охрана других объектов (например, сената, обеспечение безопасности на играх, в театре и т. п.) осуществлялась в порядке нарядов. Столь же эпизодическим было и дополнительное усиление *stationes* когорт вигилов (схему их расположения см.: Ravón Tótfalusi 2003, 126 ff.). Во время императорских поездок по Империи преторианский корпус фактически лишался не менее 40% своего состава на несколько месяцев, а то и лет (как это было при Тиберии, Траяне, Адриане, Марке Аврелии, Коммодe, Септимии Севере, Каракалле и т. д.). Что касается походных условий, то охрана императорского штаба требовала гораздо меньше людей, чем охрана дворца. Кроме того, некоторые императоры предпочитали подолгу находиться вне шумной столицы, в относительной близости от нее. В таких случаях дополнительной задачей было обеспечение коммуникации между лагерем и оторванными от него когортами. При длительной дислокации на одном месте для солдат возводили стационарные строения той или иной степени «монументальности». Например, на вилле Адриана в Тибуре (Тиволи) трехэтажное здание вблизи летнего триклиния идентифицируется как казармы, вмещавшие два ряда по 10 комнат (Durry 1938, 59). Что-то подобное, наверное, было и с Антонином Пием, который любил подолгу бывать в специально выстроенном дворце (*palatium extruxit*) в Лории (SHA. *Ant. Pius*. 1. 8).

⁸ М. Дюрри склоняется к «западному» варианту конечной части маршрута – через форумы (Durry 1938, 52). В целом с ним согласен и К. Роллингер (Rollinger 2022, 229). Действительно, этот путь выглядит короче, если смотреть по прямой. «Восточный» вариант, напротив, представляется чуть более протяженным, однако имел более простой маршрут. Скорее всего, использовались оба варианта в зависимости от обстоятельств, особенно в моменты больших строев к западу от Палатина при Антонинах.

⁹ Так, Тиберий, по крайней мере, до переезда на Капри, жил в западной части холма, поэтому последующие императоры, расширяя его дворец, были вынуждены делать пристройки к нему с востока, при этом все элементы комплекса «смотрели» на Большой Цирк.

¹⁰ Durry 1938, 56.

сопровождали императора во всех его официальных и частных перемещениях по столице и вне ее, во время государственных и просто торжественных мероприятий. Их сопровождение не заканчивалось даже после смерти императора – они играли важную роль и во время императорских похорон¹¹. С одной стороны, они обеспечивали безопасность самого мероприятия, по-видимому, создавая нечто вроде живого ограждения, отделяя народ от участников церемонии, а с другой – принимали непосредственное участие в ней (в частности, в ритуальном беге, *decursio*)¹².

Взаимодействие обитателей преторианского лагеря и гражданского населения столицы античные авторы освещают изредка и вдобавок очень однобоко – по сути, только в моменты политических кризисов, когда римский народ, вспомнив о своем былом достоинстве и политическом влиянии, проявлял себя как один из могущественных политических игроков, с которым приходилось считаться правящей верхушке. В эти редкие моменты, запечатленные в нарративе, народ, как правило, был враждебен воинам императорской охраны, и порой дело доходило до открытых военных столкновений между ними. Однако сводить их взаимоотношения к банальному противостоянию было бы сильным упрощением, поскольку в каждом отдельном случае причины, побудившие их к борьбе друг с другом, были разные. К тому же большую часть времени они проводили вполне мирно, изо дня в день пересекаясь на кривых улочках Рима, в харчевнях и лупанарах, в театре и на играх; даже в моменты обострения политической борьбы народ и телохранители императора далеко не всегда оказывались по разные стороны баррикад. В конце концов львиная доля самих преторианцев – это те же жители столицы. Выхваченные из ее массы дилектом и отделенные от сограждан стенами лагеря на Виминале и военной этикой, они все же не до конца разрывали связи со своими родственниками и друзьями, которые по-прежнему жили от них в шаговой доступности.

Подавляющее большинство встреч обычных горожан с воинами императорской охраны носило бытовой характер и случалось во время марша караула на Патрицианской улице. Ювенал живо и красочно изобразил столкновение прохожего с одним из солдат (*Sat.* 3. 243–248):

...а нам, спешащим, мешает
 Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою
 Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
 Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
 Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
 С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора¹³.

Несмотря на неблагоприятный характер описанной встречи, этот владелец солдатского сапога, представляющий собой собирательный образ военного, изображен как источник бытовых неприятностей, точно такой же, как и любой человек в толпе. Хотя, если верить античным авторам (*Tac. Hist.* II. 74; *Iuven.* XVI. 7–50; *Apul. Met.* IX. 39; X. 1; *Herod.* VII. 12. 3), для штатского встреча с солдатами обычно внушала опасения из-за возможных злоупотреблений с их стороны, марш сопровождаемого офицерами преторианского караула по улице

¹¹ *Tac. Ann.* I. 8. 7–8; III. 2. 1–2; *Hist.* II. 49. 9; *Suet. Tib.* 75. 3; *Inscr. Ital.* XIII. 1. p. 191 etc.

¹² Richard 1966, 316 suiv.

¹³ L. 248: ...et in digito clavus mihi militis haeret (пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского).

не сулил особых неприятностей. Имеется, правда, несколько намеков на то, что иногда воины проявляли насилие, расчищая путь для императорского кортежа, так что, например, Марку Аврелию и Пертинаксу даже приходилось принимать специальные меры против чрезмерно активных действий своих телохранителей (Herod. I. 2. 4; II. 4. 1). Тем не менее гораздо большую опасность все же представляли солдаты, слоняющиеся без дела по городу поодиночке или малыми группами. Видимо, именно их имеют в виду античные авторы, отмечающие творившийся в городе произвол при Коммодe (Dio Cass. LXXIV (LXXV). 8. 1; Herod. II. 2. 5; 4. 1; 4. 4–5; 5. 1). В чем конкретно он проявлялся, можно понять по аналогичным эпизодам в других уголках Империи – без подтверждения своих полномочий они реквизируют часть имущества, а иногда даже людей, прикрываясь служебной необходимостью¹⁴. Согласно Тациту, который говорит конкретно о столичных солдатах, к грабёжам и похищениям (*latrocinia et raptus*) их толкали еще и поборы центурионов (Hist. I. 46. 2). В целом, воины осознавали свою безнаказанность по отношению к штатским и при определенных обстоятельствах пользовались этим. При отсутствии какой бы то ни было статистики нам остается только предполагать, что в Риме в большинстве случаев такие действия не носили массового характера, поскольку контроль над обитателями преторианского лагеря в нормальных условиях по объективным причинам теоретически был сильнее из-за более высокой доли офицерского звена. К тому же императоры были крайне заинтересованы в спокойствии столицы – в гораздо большей степени, чем в провинциях, а потому вопросам дисциплины среди столичных воинов уделялось больше внимания. Недаром информация о подобных эксцессах появляется только в моменты политических неурядиц и кризисов, когда надзор за дисциплиной ослабевал. Это было связано с тем, что преторианцы острее остальных воинов, особенно в провинциальных частях, ощущали персональную связь с императором, и вследствие этого сами себя, судя по всему, считали более привилегированными, чем любые другие представители военного ремесла. Это чувство должно было усиливаться по мере того, как в число легионеров стало вливаться все больше провинциалов (cf. Tac. Hist. II. 21 4; SHA. Did. Iul. 6. 5)¹⁵. Как результат, с гораздо меньшим пикетом преторианцы, эти *Italiae alumni et Romana vere iuventus* (Tac. Hist. I. 84. 3), воспринимали приказы, исходящие не от императора (Dio Cass. LXXII (LXXIII). 9. 1) или от императора, чье положение на престоле было по тем или иным причинам неоднозначным и шатким (Herod. II. 4. 5). В такие моменты неустойчивым оказывалось и положение офицеров, не рискующих противостоять солдатской массе и препятствовать их самоволию. Впрочем, все перечисленное относится к исключительным ситуациям, по которым нельзя делать общих выводов.

По сведениям античных авторов, между столичными жителями и телохранителями императора имели место несколько столкновений на

¹⁴ Подробнее об этом, включая эпиграфические и папирологические свидетельства, см. Махлаюк 2000, 29–56.

¹⁵ См. слова Отона о различии преторианцев и легионеров Вителлия (Tac. Hist. I. 84. 3). Конечно, этническое и культурное различие здесь преднамеренно преувеличено, но вряд ли оно было полностью надуманно. Эта мысль отчетливо сформулирована не только в политическом контексте античного нарратива, но и встречается в свидетельствах, происходящих непосредственно из армейской среды. Самый яркий пример представляет собой стихотворная эпитафия центуриона VII преторианской когорты Г. Манлия Валериана (CIL V. 923 = ILS 2671), который подчеркивает, что он *...qui cohortis | centuriam reguit | praetoriae fidus, non | barbaricae legioni[s]*. Обширный комментарий к надписи: Redaelli 2018.

протяжении I–III вв. Здесь было бы уместно вспомнить, что нарративные источники дают весьма специфический срез ушедшей реальности, во-первых, делая непропорционально большой акцент на политические процессы и вдобавок к этому в большинстве случаев еще и в моменты кризисов, а во-вторых, неравномерно и однобоко освещая мотивы участников таких событий. Причины этих конфликтов были различные, однако в них, несомненно, присутствовал и социально-политический фактор, поскольку основными «жертвами» таких столкновений были представители высших слоев. Конечно, можно было бы в подобных случаях видеть исполнение преторианцами приказов сверху, однако это далеко не везде возможно. Так, преторианцы отличились грабежами и поджогами домов жителей столицы во время подавления т.н. заговора Сеяна осенью 31 г., «обидевшись» на то, что Тиберий посчитал их недостаточно надежными (Dio Cass. LVIII. 12. 2: καὶ οἱ στρατιῶται ἀγανακτοῦντες ὅτι αὐτοὶ τε ἐς τὴν τοῦ Σεῖανου εὐνοίαν ὑποπτεύθησαν καὶ οἱ νυκτοφύλακες σφῶν ἐς τὴν τοῦ αὐτοκράτορος πίστιν προετιμήθησαν, ἐμπρήσεις τε καὶ ἀρπαγὰς ἐποιοῦντο, καίτοι πάντων τῶν ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων τὸ ἄστυ πᾶν ἐκ τῆς τοῦ Τιβερίου), а весной 69 г. сильно погромили дома тех, кого они сами посчитали врагами провозглашенного ими же императора Отона (Tac. Hist. I. 85. 1: *...per domos occulto habitu, et maligna cura in omnis, quos nobilitas aut opes aut aliqua insignis claritudo rumoribus obiecerat...*). В последнем случае речь шла в основном о домах знатных и влиятельных граждан, в большинстве своем, вероятно, сенаторов. А в 31 г., по-видимому, объектами их нападений были дома родственников и друзей поверженного префекта претория. В обоих случаях инициатива, как говорится, исходила «снизу»; во всяком случае, у нас нет оснований подозревать иное¹⁶.

Что касается основной массы населения, насколько можно понять из источников, конфликты с гвардейцами были редкими, а в целом отношения между ними носили в основном бытовой характер, притом, можно сказать, условно позитивный. Известно, что преторианцы, находясь на службе, нанимались к столичным жителям на поденные работы, выполняя порой даже рабские занятия (*servilibus ministeriis*) (Tac. Hist. I. 46. 2). Преторианцев нередко привлекали к тушению пожаров, когда не хватало сил вигильских когорт, специально предназначенных для этих целей¹⁷. Учитывая, как часто горел Рим, вопрос борьбы с огнем приобретал не только инженерно-технический, но и социально-политический характер. Достаточно вспомнить, что именно на этом поприще снискал себе народную любовь эдил Эгнаций Руф, привлечший к тушению огня собственных рабов, за что в итоге и пострадал, поскольку своими действиями бросил вызов популярности самого Августа (Dio Cass. LIII. 24. 5. 6; LIV. 2. 4)¹⁸. Несмотря на то что в зависимости от персоны конкретного императора, действия императорских телохранителей на пожаре могли расцениваться более чем двусмысленно (пожалуй, самый яркий пример – Dio Cass. LXII. 17. 1), все же

¹⁶ Тацит видел в подобном поведении воинов скорее их желание пожить за чужой счет, нежели проявление их верности присяге, хотя и не отрицал последнюю, однако, например, Дион Кассий без видимых возражений готов принять, что воинами, громившими дома сенаторов, действительно руководила обида.

¹⁷ Вот некоторые примеры: Dio Cass. LVII. 14. 10; LIX. 9. 4; LXII. 17; LXXIII. 24. 3; Tac. Ann. III. 72. 4; Suet. Tib. 53; Claud. 18. 1 и т. д. Обзор зафиксированных случаев см. Юров 2023, 7–8.

¹⁸ Sablayrolles 2001, 132.

думается, что основная масса населения италийских городов, особенно та ее часть, что на себе испытала все ужасы пожаров, вряд ли питала к ним негативные чувства. Некоторые из телохранителей императора даже сложили свои головы, выполняя эту, строго говоря, постороннюю для себя задачу. Так, еще во времена Августа при тушении пожара в Остии погиб один преторианец из VI когорты, чье имя, к сожалению, не сохранилось для истории (*CIL* XIV. 4494 = *ILS* 9494). Этот ныне безымянный герой удостоился общественных похорон от благодарных остийцев.

По всей видимости, преторианцы делили с горожанами и римские термы. Во всяком случае, внутри *castra praetoria* нет строений, которые можно было бы идентифицировать как бани¹⁹. Так что, возможно, возвращаясь с караула, они посещали общественные бани наряду с обычными римлянами; скорее всего, им были отведены для этого специальные часы, чтобы присутствие немалого числа солдат не смущало других отдыхающих.

Однако когда мы переходим к политическим вопросам, то видим столичных воинов и простых римлян почти всегда по разным сторонам друг от друга. Впрочем, чтобы лучше понять причины такой закономерности, лучше стоит сначала отметить один эпизод, который несколько выпадает из этого правила. В 190 г. преторианцы и народ, кажется, впервые по-настоящему сражались друг против друга во время народного выступления против непопулярного императорского кубикюлярия Клеандра, который исполнял обязанности *a pugione* при Коммодe²⁰. Пользуясь своим положением, могущественный спальник, решив поскорее утихомирить толпу, пока весть о начавшихся беспорядках не дошла до императора, отправил отряд воинов против восставших, погибло несколько человек (*Dio Cass.* LXXIII. 13. 4: ... ὁς στρατιώτας τινὰς ἐπ' αὐτοὺς ἔπεμψε, καὶ ἑτρώσαν τινὰς καὶ ἀπέκτειναν). Геродиан добавляет к этому рассказу ряд важных нюансов. Во-первых, отправленные Клеандром воины были «царскими всадниками» (I. 12. 6: οἱ Βασιλείοι ἵππεις), т.е. почти наверняка речь идет об *equites singulares Augusti*. Во-вторых, когда всадники оттеснили толпу, на помощь народу неожиданно пришли пешие воины, находившиеся в городе (I. 12. 9: οἱ τῆς πόλεως πεζοὶ στρατιῶται). В отличие от конных воинов, с идентификацией последних, к сожалению, возникают трудности. Э. Бёрли

¹⁹ Геродиан, однако, уверяет, что, когда в ночь убийства Геты в лагере укрылся Каракалла, некоторые воины в это самое время мылись (IV. 4. 5). Но, принимая во внимание археологические свидетельства, легко представить, что наш автор просто эксплицировал свои знания о наличии бань в римских военных лагерях на крепость преторианцев. М. Дюрри предполагал, что они в лагере все-таки были, но, видно, в несохранившейся его части (Dugru 1938, 53). Возможно, мы никогда об этом не узнаем наверняка, но вариант с отсутствием бани не такой уж невероятный; стоит учитывать, что преторианский лагерь отличался от прочих военных лагерей и другими особенностями: в нем, к слову, не было даже *principium* и квартир офицеров, поскольку важнейшие вопросы управления когортами телохранителей решались непосредственно во дворце (Bingham 2013, 73–74).

²⁰ Вопреки распространенному заблуждению, Клеандр не был префектом претория, поскольку, являясь вольноотпущенником, не обладал достаточным социальным статусом для столь высокой должности, предназначенной главным образом для всадников. Ни Дион Кассий, ни Геродиан, современники этого либертина, ни *HA*, которая в данном случае опирается на Мария Максима, другого современника, не называют его префектом, а в надписях он обычно обозначается просто как *a cubiculo* и *a pugione* (*AE* 1952. 6; 1961. 280 = *CIL* VI. 41118; *ILS* 1737). Только Аммиан Марцеллин, спустя почти два столетия, прямо именует его «префектом при императоре Коммодe» (XXVI. 6. 8: ... *Cleandro quem agentem sub imperatore Commodo praefecturam sublata*...). Вопреки словам Аммиана, гораздо более важным является специфика социального статуса Клеандра и факт отсутствия упоминаний о его префектуре в надписях. Подробнее об этом см. Kłodziński 2010. В чем заключался смысл новой должности, не понятно.

допускает, что противниками всадников выступали урбаникианцы, чью численность он ошибочно определяет в 1500 человек (т.е. три квингенарные когорты)²¹. Главным его аргументом является то обстоятельство, что за безопасность в столице и, в частности, на конных состязаниях, во время которого и началось восстание (Dio Cass. LXXIII. 13. 3: ἰπλοδρομία τῆς ἡγῆς), отвечал городской префект, а значит, наводить порядок должны были подчиненные ему силы²². Однако тут всплывает еще одна проблема: городские когорты, как и преторианские, подчинялись, скорее всего, префекту претория²³. Вдобавок, если они даже действовали официально по приказу римского префекта, то должны были поддерживать, скорее, уж всадников, а не толпу. Думается, что Бёрли подтолкнуло к данному заключению еще и то, что урбаникианцев нередко считают конкурентами преторианцев, однако в действительности для этого нет однозначных подтверждений²⁴. Таким образом, определять наших пеших воинов, вступивших в бой с всадниками, как урбаникианцев нужно очень осторожно, так как все явные и неявные послышки для такого заключения оказываются либо неверными, либо хрупкими. Обратим внимание, что стимулом для них, по Геродиану, выступала «ненависть к конным» (I. 12. 9: ...μίσηται τῶν ἰπλέων), которую вполне могли разделять и пехотинцы преторианских когорт. Именно спешенные сингулярии в антониновскую и северовскую эпохи несли охрану внутренних помещений дворца и, судя по всему, самой императорской опочивальни, в то время как внешний кордон обеспечивался преторианским караулом. Даже преторианские трибуны должны были проходить досмотр перед посещением императора²⁵. Эквиты получали жалованье больше, чем у преторианцев. Так что, если зависть и была мотивом, а это, скорее, просто догадка Геродиана, чем точно известный ему факт, у преторианцев тоже было достаточно поводов для нее.

Назначение Клеандра *a pugione*, вероятно, означало подчинение ему как раз турм сингуляриев, но не всей преторианской гвардии: может быть, в этом и заключался смысл этой специально введенной для него должности – вывести их из-под власти префекта претория? Раз пехотинцы решились вступить в бой на стороне народа против всадников, значит либо никакого конкретного приказа по поводу данной ситуации они не получали, либо проигнорировали его. Последний вариант, несмотря на меньшую вероятность, отбрасывать полностью не стоит: в конце концов, было хорошо известно про отсутствие Коммода в городе, а приказы его вольноотпущенника в такой экстренной ситуации были заведомо ущербными.

²¹ На самом деле их было четыре (RMD IV. 288; CIL XVI. 134 = AE 1908. 146). Об их размере: Freis 1967, 38 ff.; Гуськов 2024, 683.

²² Birley 2002, 79. Такую возможность допускал еще С. Уиттакер: Whittaker 1964, 366 ff.

²³ Laet 1946, 520 ff.

²⁴ Основанием для утверждения о соперничестве преторианского и городского корпусов обычно служат события января 41 г., когда после громкого и неожиданного убийства Гая в результате заговора ряда сенаторов, императорских вольноотпущенников и высших офицеров гвардии, в течение двух дней в Риме сохранялась политическая неопределенность. Здание курии, предположительно отстаивавшей республику, охраняли то ли три (Ios. B. Iud. II. 205), то ли четыре (Ios. Ant. XIX. 188) когорты, которые идентифицируются как городские (Suet. Claud. 10. 3). В это же время преторианцы провозгласили Клавдия новым императором. Тем не менее до столкновений дело не дошло: как только стало известно об аккламации, стоявшие возле сената когорты сами быстро разошлись. Здесь и в помине не было никакого противоборства, а сама двусмысленность возникла только потому, что воины *cohortium urbanarum* изначально были в неведении относительно подлинных целей своего «стояния».

²⁵ Гуськов 2022, 147, прим. 34.

С точки зрения Геродиана, действия пехотинцев были спонтанными и самовольными, но поскольку само это народное выступление было, со всей очевидностью, спланированным²⁶, нельзя исключать возможность того, что воины действовали в соответствии с заранее полученной инструкцией²⁷. Помощь пешеходов, а также городские условия, не позволявшие в полной мере развернуться всадникам, уравнивали силы сторон. По словам Диона, было несколько погибших и раненных (LXXIII (LXXII). 13. 4), а вот Геродиан, напротив, уверяет, что жертв было много (I. 12. 7–9), по-видимому, с обеих сторон. Поскольку Клеандр в конечном итоге лишился жизни, можно сказать, что в этой схватке народ все-таки одержал верх²⁸. Как бы то ни было, этот неожиданно возникший союз преторианцев и столичного плебса носил чисто конъюнктурный характер и представляет собой в большей степени исключение, чем правило.

Все другие примеры, скорее, свидетельствуют о существовавшем и, видимо, постепенно нараставшем расхождении социальных и политических интересов плебса и столичных воинов. Всего через 3 года после описанных событий, в апреле 193 г., плебс, недовольный тем, что преторианцы убили Пертинакса, открыто выражал свое негодование на произведенную ими аккламацию Дида Юлиана и требовал его низложения (Dio Cass. LXXIV. 13. 2–5; SHA. *Did. Iul.* 4. 2–4). Горожане преградили Юлиану дорогу из курии на Капитолий, куда он направлялся для совершения жертвоприношений по случаю начала собственного правления (Dio Cass. LXXIV. 13. 4–5; SHA. *Did. Iul.* 4. 6). Преторианцам даже пришлось прикрывать императора щитами, чтобы в него ничего не прилетело с крыш домов, как это случилось с ними самими в 190 г. Толпу разогнали, но не обошлось без раненных (а по версии Диона, и убитых). Большинство жертв погибли в давке на узких улицах.

Дион Кассий сообщает о трехдневных боях между народом и преторианцами в начале правления Александра Севера, но, к сожалению, не приводит никаких деталей (Dio Cass. LXXX b. 2. 3). Можно допустить, эти события были как-то связаны с падением Домиция Ульпиана, поскольку в описании Диона данное сообщение следует сразу после рассказа о его убийстве преторианцами, но с уточнением, что это было *еще при его жизни* (ζῶντος δ' οὖν ἔτι αὐτοῦ στάσις μεγάλη τοῦ δήμου πρὸς τοὺς δορυφόρους ἐκ βραχέας τινὸς αἰτίας ἐγένετο, ὥστε καὶ ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας μάχεσθαι τε ἀλλήλοις καὶ πολλοὺς ὑπ' ἀμφοτέρων ἀπολέσθαι). Исходя из

²⁶ См. обстоятельный анализ данных событий в статье С. Уиттакера (Whittaker 1964). Собственно в том, что это выступление было спланированным, не сомневался и Дион Кассий, но он, однако, не представлял себе его грандиозного размаха.

²⁷ Поскольку эти воины, неважно, преторианцы или урбаникианцы, в любом случае были подчинены префекту претория, то напрашивается соответствующий вывод. Однако доказать его не представляется возможным, потому что нам даже неизвестно имя начальника (начальников?) гвардии в разгар этих событий (вероятная датировка – 19 апреля 190 г.). Список преторианских префектов при Коммодe: Kłodziński 2012. Префект П. Атилий Эбуциан к этому времени уже сложил свою голову из-за козней Клеандра (в 188 или 189 г.), а Регилл и Л. Юлий Вегилий Грат (или Галл) Юлиан, кажется, возглавили преторий только после свержения всемогущего кубикюлярия. Что касается потенциальных мотивов, которыми руководствовался наш безымянный начальник гвардии, то они выглядят понятными: именно Клеандр фактически подвел к смерти как минимум двух префектов – Секста Тигидия Перенниса (Dio Cass. LXXII (LXXIII). 9. 3) и П. Атилия Эбуциана (SHA. *Comm.* 6. 11–12), – а новый префект, имея перед собой такие зловещие примеры, вряд ли хотел пополнить трофейный зал зарвавшегося либертина в качестве третьего экспоната.

²⁸ Mullens 1948, 72.

данного хронологического указания, эти бои следует отнести к весне – первой половине лета 223 г.²⁹ Что интересно, солдаты, находясь на грани поражения, подожгли город, тем самым вынудив горожан пойти на переговоры (ἡττώμενοι δὲ οἱ στρατιῶται πρὸς ἔμπρησιν τῶν οἰκοδομημάτων ἐτράποντο: καὶ τοῦτου δείσας ὁ δῆμος μὴ καὶ πᾶσα ἡ πόλις). Смысл этих событий остается скрытым от нас, но показателен сам факт того, что воины решились даже на поджог столицы, чего раньше было невозможно представить.

Пожалуй, апогеем их конфликтных отношений стала практически настоящая гражданская война, которую Рим пережил в 238 г. (по-видимому, в марте-апреле)³⁰. С точки зрения причинно-следственных связей, ситуация была похожей на события 193 г., а внешне ситуация напоминала то, что было в 223 г. После провалившегося восстания африканского наместника Гордиана (I), поддержанного сенатом, к Риму приближался император Максимин со своей армией; для противостояния ему сенат выбрал двух императоров из своих рядов – М. Клодия Пупиена Максима и Д. Целия Кальвина Бальбина. Народ был недоволен в особенности кандидатурой Пупиена (Herod. VII. 10. 5–6), как в свое время он отвергал кандидатуру Дидия Юлиана. Ненависть к Пупиену была так сильна, что толпа горожан попыталась воспрепятствовать им взойти на Капитолий, в новоиспеченных правителей полетели камни и палки. Тогда удалось избежать кровопролития благодаря тому, что сенат согласился на требование народа провозгласить императором также наследника погибшего Гордиана – Гордиана III. Но ситуация снова неожиданно обострилась спустя несколько дней, когда в самой курии два сенатора – Галликан и Меценат – прямо во время заседания убили двух или трех безоружных преторианцев-ветеранов, находившихся у алтаря Виктории (Herod. VII. 11. 3–4). После чего Галликан лично призвал народ вооружаться и «убивать врагов сената и римлян, друзей и союзников Максимиана» (пер. М. В. Скржинской; *ibid.* 11. 5: ...φονεῦειν τοὺς ἐχθροὺς μὲν συγκλήτου καὶ Ῥωμαίων φίλους δὲ καὶ συμμάχους Μαξιμίνου). Убийство этих преторианских воинов и призыв к борьбе со всем гарнизоном – довольно настораживающее обстоятельство. Необходимо учесть, что данные события развернулись практически сразу после того, как Пупиен покинул город вместе с войском, чтобы помешать Максиминому захватить столицу, оставив в Риме только небольшую часть воинов, готовившихся к отставке. По крайней мере по рассказам наших источников, эти ветераны вроде бы не собирались сражаться за Максимиана или, соответственно, против сената и народа. Их оставил лично Пупиен, будучи уверенным в их преданности и надежности. В связи с чем возникает закономерный вопрос: не было ли это на самом деле атакой на позиции самого Пупиена?³¹

Взбурдаженная призывом Галликана толпа, вооружившись всем, что смогла найти в городе, и подойдя к лагерю преторианцев, осадила его, но взять крепость так и не удалось – сказались отсутствие и военного опыта, и специальной техники. После безуспешных и стоивших много крови попыток народ уже повернул назад, в город, и, видимо, был готов оставить все как есть. Именно в этот момент преторианцы предприняли вылазку, убив множество людей. Эта дерзкая акция спровоцировала

²⁹ Наиболее вероятная датировка смерти Ульпиана – лето 223 г.: Modrzejewski, Zawadzki 1967. При этом, согласно Пасхальной хронике (*Chron. min.* 61), эти бои имели место «в консульство Максимиана и Элиана», т.е. в 223 г.

³⁰ Kildahl 1962.

³¹ Mullens 1948, 75.

еще больший гнев «народа и сената» (τοῦ τε δήμου καὶ τῆς συγκλήτου). По-видимому, урок был усвоен, и атаки на лагерь стали более организованными³², но даже это не позволило переломить ситуацию. После того как горожане попытались перекрыть водопровод, ведущий в лагерь, осажденные решились на открытую схватку. В итоге бои перекинулись на сам город, где у горожан было преимущество – взобравшись на крыши домов, они стали осыпать сверху воинов камнями, черепицей и палками. Правда, как и 15-ю годами ранее, преторианцы решились на крайние меры: не имея возможности согнать людей с крыш, они подожгли все, что могло гореть, спровоцировав грандиозный пожар. Погибло множество народа. Только после вероломного убийства Бальбина и Пупиена и признания преторианцами единственным Августом Гордиана III, выдвинутого народом, наступил мир.

Судя по количеству жертв (если, конечно, принимать их число на веру), вряд ли менее ожесточенными были и сражения на улицах Рима на Целии при Аврелиане, но о них мало что известно³³.

Таким образом, эпоха Северов стала своеобразным рубежом в истории взаимоотношений двух неравных групп столицы – плебеев и воинов. После реформы Септимия Севера отчуждение между гражданским населением Рима и преторианцами, набираемыми теперь из удаленных провинций, стало еще заметнее, чем прежде, когда различия между ними носили, главным образом, социопрофессиональный характер. Значительной части самих прежних преторианцев, происходивших либо непосредственно из Рима, либо из ближайших итальянских городов, удавалось поддерживать в том или ином виде семейные связи даже во время службы, а потому полнее остальных воинов, расквартированных в провинциальных частях, они сохраняли и клиентельные обязательства своих семей. Достаточно вспомнить, что именно такие связи послужили если не «клеем», то как минимум прикрытием для участников убийства императора Гая (Калигулы). Его преемнику Клавдию, прекрасно осведомленному о составе заговорщиков, даже пришлось издать специальный запрет на посещение воинами домов сенаторов для утренних приветствий, предписанных клиентам традицией (Suet. *Claud.* 25. 1), однако и эта мера, хоть и осложнила планы потенциальных противников императора, не сильно помогла; запрет салютаций лишь сместил акцент на прочие формы проявления патронатно-клиентельных отношений. У нас есть пример чуть более позднего времени, когда Отон вовлек в заговор против Гальбы, по крайней мере, одного клиента-преторианца³⁴. В действительности та-

³² К сожалению, рассказ Геродиана, нашего главного источника по этим событиям, становится путанным. С одной стороны, он упоминает мобилизацию, проведенную в это время, и назначение военачальников (VII. 12. 1: στρατηγοί), однако следом же отправляет их вместе с Пупиеном на борьбу с Максимом, хотя уже сделал это раньше (II. 2). Ясно, что таким образом он хотел показать одновременность происходящего в разных частях Италии. Но в это самое же время τοῖς στρατηγοῖς были среди народа (II. 3). Наверное, оптимально будет понимать под ними не тех, кто был назначен на командные посты в момент мобилизации и затем остался в городе (II. 1), а просто тех, кто взял на себя руководство народным движением. В противном случае нам бы пришлось получить ситуацию, когда те, кого Пупиен оставил руководить обороной города, воюют против тех, кто должен был нести основное ее бремя.

³³ Согласно Аврелию Виктору (*De Caes.* 35. 6), против императора с его войском восставшие монетарии выставили почти 7000 бойцов, а вот *HA*, чей автор или редактор, вне всяких сомнений, вдохновлялся сочинением Виктора, уверяет, что столько было одних только погибших (SHA. *Aurelian.* 38. 2–4). Cf. Eutr. IX. 14.

³⁴ Гуськов 2026 (в печати).

ких случаев, вне всяких сомнений, было больше. Многочисленные низовые связи создавали довольно сложную картину взаимодействия рядовых жителей столицы и обитателей преторианского лагеря, которые и сами были в прошлом такими же гражданскими лицами и держали в голове вероятность снова стать ими по завершении военной карьеры. Императорские телохранители в большей степени, чем кто-либо еще в армейской среде, сохраняли пиетет к староримским традициям, что бы это ни значило в условиях империи. Позднее остальных они приобщались к чуждым обычаям и культам³⁵ и прямо осознавали свое усиливающееся отличие от остальных воинов. Однако утвержденный Септимием Севером новый принцип комплектования императорских телохранителей привнес в их взаимоотношения с римлянами (и в широком, и в узком смысле) новый нюанс. Хотя многие новые воины претория, происходившие в первую очередь из балканских и дунайских областей, носили вполне римские или греческие имена, их этническое происхождение вызывает немало вопросов³⁶. Дион Кассий (Dio Cass. LXXV. 2. 4–6) неспроста обращает внимание на их отличный от привычного римским жителям внешний вид, грубые манеры и речь. Таким образом, к прежним различиям добавляется цивилизационный и культурный фактор.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Alföldy G. 1976: Consuls and Consulars under the Antonines: Prosopography and History. *Ancient Society* 7, 263–299.
- Bingham, S.J. 2013: *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces*. Waco.
- Birley, A.R. 2002: *Septimius Severus. The African Emperor*. London–New York.
- Busch, A.W. 2007: 'Militia in Urbe'. The Military Presence in Rome. In: L. De Blois, E. Lo Cascio (eds.), *The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden–Boston, 315–342.
- Durry, M. 1938: *Les cohortes prétoriennes*. Paris.
- Freis, H. 1967: *Die Cohortes Urbanae*. Köln–Graz.
- Hammond M. 1957: Composition of the Senate, A.D. 68–235. *JRS* 47.1–2, 74–81.
- Guskov, E.A. 2021: Lutsiy Domitsiy Valerian (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): proiskhozhdenie [Lucius Domitius Valerianus (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103)' Origin]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (71), 233–242.
- Гуськов, Е. А. 2021: Луций Домиций Валериан (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): происхождение. *ПИФК* 1 (71), 233–242.
- Guskov, E.A. 2022: Paroli dlya pretoriantsev: k voprosu o dostovernosti Historia Augusta [Watchwords for Praetorians: on the Question of the Reliability of the Historia Augusta]. *Moscow State Pedagogical University Bulletin. Series: Historical Sciences* 3 (47), 137–151.
- Гуськов, Е.А. 2022: Пароли для преторианцев: к вопросу о достоверности Historia

³⁵ Самым подробным исследованием религиозных предпочтений преторианцев по сей день остается соответствующая глава в монографии М. Дюрри (Durry 1938, 306–358); в целом о культах, распространенных среди воинов столичного гарнизона, см. Melmeluzzi 2022.

³⁶ Например, Sharankov 2011, 136; Tomas 2017, 234 ff.; Гуськов 2021. Усиление позиций провинциалов охватывал все слои и группы населения, включая высшие. Провинциалы, при Коммоде все еще находившиеся в меньшинстве в сенате, теперь уже превратились в лидирующую по численности группу (Hammond 1957, 76, 77; Alföldy 1976, 282 ff.), причем почти треть из них составляли выходцы из африканских провинций (Mullens 1948). «Африканцы» активно наращивали свое присутствие в различных сферах римского общества на протяжении антониновской эпохи. Длинный перечень политических, культурных и религиозных деятелей второй половины II – начала III в., происходящих из Африки, – см. Jerary 2008, 176–178.

- Augusta. *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки* 3 (47), 137–151.
- Guskov, E.A. 2024: Chislennost' shtata pretorianskikh kogort v I–II vv. n.e. [The Size of the Praetorian Cohorts in the First-Second Centuries AD]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 84 (3), 676–707.
- Гуськов, Е.А. 2024: Численность штата преторианских когорт в I–II вв. н.э. *ВДИ* 84 (3), 676–707.
- Guskov, E.A. 2026: Pretorianskaya gvardiya i senat: po raznye storony barrikad? [The Praetorian Guard and the Senate: On Opposite Sides of the Barricades?]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology* 25 (1) (Forthcoming).
- Гуськов, Е.А. 2026: Преторианская гвардия и сенат: по разные стороны баррикад? *Вестник НГУ. Серия: История и филология* 25 (1) (в печати).
- Jerary, M.T. 2008: Septimius Severus the Roman Emperor, 193–211 AD. *Africa: Rivista trimestrale di studi e documentazione dell'Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente* 63 (2), 173–185.
- Kildahl, Ph.A. 1962: A Solution to the Chronological Problem of the Year 238 A.D. *The Historian* 24 (3), 263–269.
- Kłodziński, K. 2010: Marcus Aurelius Cleander – *praefectus praetorio* or a *pugione* of the Emperor Commodus. In: D. Musial (ed.), *Society and Religions. Studies in Greek and Roman History* 3, 55–77.
- Kłodziński, K. 2012: Prefekci pretorianów cesarza Kommodusa. *KLIO. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym* 20 (1), 3–44.
- Laet, S.J. De 1946: Les pouvoirs militaires des Préfets du Prétoire et leur développement progressif. *Revue belge de philologie et d'histoire* 25.3–4, 509–554.
- Makhlayuk, A.V. 2000: *Armiya Rimskoy imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti* [Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]. Nizhny Novgorod.
- Махлаюк, А.В. 2000: *Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности*. Нижний Новгород.
- Makhlayuk, A.V., Negin, A.E. 2021: *Povsednevnyaya zhizn' rimskoy armii v epohu Imperii* [Daily Life of the Roman Imperial Army]. St. Petersburg.
- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. 2021: *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи*. СПб.
- Melmeluzzi, E. 2022: *Divinità, riti e culti dei soldati in servizio a Roma, in rapporto con le pratiche religiose dei civili e con la topografia cittadina*. PhD Thesis. Roma.
- Modrzejewski, J., Zawadzki, T. 1967: La date de la mort d'Ulpien et la préfecture du prétoire au début du règne d'Alexandre Sévère. *Revue historique de droit français et étranger, Quatrième série* 45, 565–611.
- Mullens, H.G. 1948: The Revolt of the Civilians A. D. 237–8. *Greece & Rome* 17 (50), 65–77.
- Pavón Torrejón, P. 2003: *La cárcel y el encarcelamiento en el mundo romano*. Madrid.
- Redaelli, D. 2018: Militari ad Aquileia. Nuove note sull'epigrafe di C. Manlio Valeriano. *Epigraphica* 80 (1–2), 223–246.
- Richard, J.-C. 1966: Les aspects militaires des funérailles impériales. *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 78, 313–325.
- Rollinger, C. 2022: Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards under the Principate. In: L.L. Brice (ed.), *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 223–248.
- Sablayrolles, R. 2001: La rue, le pouvoir et le soldat: la garnison urbaine à Rome de César à Pertinax. In: *La ville de Rome sous le Haut-Empire: nouvelles connaissances, nouvelles réflexions: colloque*. Rome, 127–154.
- Sharankov, N. 2011: Language and Society in Roman Thrace. *Journal of Roman Archaeology Suppl.* 82, 135–155.
- Tomas, A. 2017: Life on the Frontier: Roman Military Families in Lower Moesia. *Studia Europaea Gnesnensia* 16, 225–257.
- Whittaker, C.R. 1964: The Revolt of Papirius Dionysius A.D. 190. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 13 (3), 348–369.
- Yurov, V.V. 2023: Vspomogatel'nye zadachi pretorianskikh kogort [Auxiliary Tasks of the Praeto-

rian Cohorts]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* [*Via in tempore. History and Political Science*] 50 (1), 5–12.

Юров В. В. 2023: Вспомогательные задачи преторианских когорт. *Via in Tempore. История. Политология* 50 (1), 5–12.

PRAETORIANS AND THE POPULATION OF ROME

Evgeniy A. Guskov

*Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
Samara University, Samara, Russia*

E-mail: megistos@yandex.ru

The Praetorian Guard, which Augustus turned into a permanent institution, was the most important part of the military garrison of Rome, which, in addition to it, also included urban cohorts, vigiles and some other highly specialized (mainly reconnaissance) services. The article examines, on the one hand, such technical aspects of the praetorians' stay in the capital as the organization of guard duty, the routes of movement of detachments around the city, and, on the other hand, the impact of the military presence on local residents, their interaction within the urban space, both in domestic and political terms.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, principate, praetorian cohorts, praetorians, plebs

